

ОТКРОВЕНИЕ | И теперь живу я, зная — есть и музыка лесная...

Моя родня крылатая

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

Добродей дятлѐша дядя Лѐша

Дятел, Лѐша, здравствуй,
здравствуй.
Ты над лесом царствуй, царствуй.
Лес старательно лечил,
Вот и царство получил.

Дятел Лѐша, ты природный
Хлопотун и благородный.
Всѣ ты делал без расчѣта:
Не для власти и почѣта.
Небоскрѣб твоих квартир —
Это целый птичий мир.

В дуплах, что в сосне гигантской
Кругло выбитых тобой,
Блещет колер индианский
Сойки, в крыльях голубой.

Там, румянее зари,
Угнездились снежири,
И полеживают в пухе
Поползни, щеглы, пищухи...

Приютились тут же белки.
Белки любят перестрелки:
Шишками друг в дружку бьют.
С озорством они снуют.

Присоседилась к ним ласка,
Гибко-милая, как сказка.
Но мила она наружно:
Кровожадная ухваткой.
Дятел всем сказал: «Не нужно...
Кто с убийственной повадкой».

Все при этом были строги,
Гнали ласку до дороги.
Здесь посадки, воронѣ.
Чем тут ласке не житьѣ?

Дятлѐша дядя Лѐша,
здравствуй, здравствуй.
Над округой царствуй, царствуй.
Ты у всех у нас в чести.
Правѣ и птенчиков расти.

Синицы

— Эй, синицы-озорницы,
Вы откуда, не из Ниццы?
— Мы синицы-озорницы.
Почему же мы из Ниццы?
— Вы шустры, ярки и звонки,
Как французские девчонки.
— Мы красивые, как зарницы.
Но мы вовсе не из Ниццы.
— Сразу видно — иностранки:
Итальянки иль испанки,
Даже, может, мексиканки.
— Не испанки-итальянки
И совсем не мексиканки.
— Как же, как же! А повадки?
Нрав открытый, голос сладкий.
Взять весѣлый ваш наряд:
Карнавальный вам парад!
А жабо на шейке вашей
Бело-чѣрное? Нет краше!
Сознавайтесь — иностранки?
Даже, может, англичанки?
— Ох, уж эти иностранки
И, конечно, англичанки.
Изумрудная сорока,
Ясно, с ближнего Востока.
А удод, зубчатый гребень,
Вырос в австралийском небе.
— Значит, близкие южанки:
Украинки, молдаванки?
— Мы южанки-то южанки:
Из России — калужанки.

Патриарху советской и российской литературы, москвичу из
Магнитки Николаю Павловичу Воронову исполнилось 86 лет.
В последние годы он любил отмечать свои дни рождения в
родной Магнитке. Но нынче Николай Павлович приболел и по-
здравления принимал в подмосковном Переделкине. Желаем ему
быстрейшего выздоровления, крепкого здоровья и писательского
вдохновения. Магнитогорцы всегда рады встрече с ним. Ждем.
А сегодня публикуем его стихи.

Сорока

Сорока красовалась на снегу,
Осматриваясь, словно танцевала.
Кромсал просторы
реактивный гул.
Она его совсем не замечала.

Бока еѐ литые, как фарфор,
Ловили синее свеченье наста.
И был в еѐ верчении задор,
И шаг приманчивей,
как у гимнасток.

Весѣлые, летучие пробежки,
С подскоком и подкидкой хвоста.
Лукава. И счастлива.
Небезгрешна.
С отливом голубая чистота.

Сорока красовалась, задавалась,
Как девушка, хлебнувшая вина.
Она себя ничуть не сознавала,
Для птицы это нежная вина.

Сорока стрекотала на сосне.
Она в узоры звуки простегала.
Она кого-то вроде привлекала.
Был в стрекоте еѐ и зов, и смех.

Лесная музыка

На суку играет дятел.
Неужели дятел спятил?
Сук без струн и без смычка,
Без ладов и кузовка.

Тополѣвый сук — не скрипка.
Но звучит он шибко-шибко:
Дребезжит, жуужжит, рокочет,
Как того наш дятел хочет.

И теперь живу я, зная —
Есть и музыка лесная.

Кем придумана, да почему?
— А, весна!
Надоело обитать одному.
Откормился, отлежался,
С новой силою собрался.
Не до сна.

Без дятлихи и дятлят
И глаза ни на что не глядят.
Нет отрады и нету судьбы,
И семейной гурьбы.

Вечное и хрупкое

На вершинах берѣз сороки.
Наст глазурью, а небо лазурно.
Наши зимние снежные сроки
Очень хрустки, ломаются бурно.

От мороза, утрами палящего,
К помягчанью полдневному,
смутному,
От заката, в буране летящего,
До восхода, теплыню обутому.

Я подвержен теперь, как природа,
Перепадам московской погоды.
По-сорочьи, а есть ведь свобода,
Я не смог бы смотреть
с небосвода.

Он почти что такой,
как издревле,
Этот мир зачумлѣнно святой.
Птицы, точно старухи в деревне,
Не надыхатся красотой.

Лета начало

Желтизна одуванчиков.
Пикунник рты поразинул,
Глядя на солнце,
На роицу, на жаворонка,
Который поѣт над шоссе,
Где свирепы, угарней зверья,
Пробегают автомобили.
Серебристый кропун — ручей,
А всѣ ещѣ можно

в нѣм поплясать,
Побарахтаться, охолонуть.
Чистосветно, тепло и зелено.
И вѣсны покамест приходят.
И продолжает полѣт
Многогневная наша Земля.

Предвестие

Навострились почки тополей.
Слякотно. В маслах и саже снег.
Меж домами ветер-круговой,
Чуждый скуке утра
женский смех.

В сырости и змоге глуше звуки:
Даже звонко-острый
свист синицы
Быстро вязнет,
будто пуля в тюке,
Словно кашель в мохнах рукавицы.

Жить опять без неба и вселенной.
Опасаться, что державная вода,
Точно кровь, что разрывает вены,
Хлынет гибелью в деревни,
города.

Ожидание весны, как счастье,
С детских лет в буше моей
гнездится,
И хотя страшины еѐ напасти,
Мир отчасти ими и хранится.

Почки на тополях навострились,
И хочется им выпростать
Ладони листвы,
Чтоб здороваться с солнцем.

Полет терпения

Моя родня крылатая,
Родня чадолюбивая,
Певучая, пернатая,
В полѣтах терпеливая.

Родня мне по России,
По золотому хлебу,
По васильковой сини,
По лесу и по небу.

Ах, нежно и отраднo
Мне видеться с тобой.
Как держишься ты ладно
Нарядною гурьбой.

Моѐ родство из древних,
Как солнышко приветно.
Оно в беду не дремлет,
В печаль — не безответно.

В мороз тебя я помню:
Кормушку грецким крошечком
И семечками полно,
А не охостью бросовым.

Родня моя крылатая,
По-русски неунывная.
От витязя оратая
Душой, заботой дивная.

для РЕБЯТ

Я и волка не боюсь

Лариса Уточкина печаталась
в литературных сборниках
«По тонкому льду», «В кругу
откровения», ряде СМИ. Пе-
дагог по образованию, она
пишет стихи для детей светло,
просто, сердечно.

Малыш

Крепыш-малыш
по луже топал,
Со всею силой ногами шлепал,
А мама рядом смотрела гордо:
Сынок по луже шагает твердо.
Взлетали брызги макушки выше,
Капель катилась
с высокой крыши.
Был рад мальчишка весне
и лужам,
И даже мокрый —
он маме нужен.

Щенок

Жил щенок маленький,
Чтил законы маменьки.
Был послушен и умен,
Ел конфетки с лапы он.
А когда чуть-чуть подрос,
Выше мамы поднял нос.
Хвастал силой: «Я, сынок,
Испугать и маму смог,
Я и волка не боюсь,
Силою своей горжусь».
Тут из леса вышел волк.
И герой тотчас умолк.
И помчался наш щенок
Прямо к маме со всех ног!

Домовенок

Домовенок под столом
Лапкой чешет пятки,
Поиграть надумал он
С малышами в прятки.
Домовенка увидеть
Не смогли ребята,
Но зато резвились с ним
Под столом котятa.
Домовенка угоицу
Молочком и кашкой,
Он из печки запоет
То сверчком, то пташкой.

ЛИРИКА

Осенние строки

АНДРЕЙ НЮРКИН

Мы будем счастливы,
в конце концов.
Еще небес высоких не прикрыли
Октябрьские поношенные
крылья
И не набухли облака свинцом.

Вот, презирая гром товарняков,
Два лося шествуют
по магистрали.
Не запугать сейчас их
ни кострами,
Ни отголоском звонких городов.

Вот торопыга —
первый теплый снег.
Он не успел еще
пропахнуть хвоей,
Как стал ему наградой —
с лихвою —
Твой полудетский-полуженский
смех...

Мы будем счастливы,
в конце концов,
Пока над нами —
наш с тобою купол.
И, отнимая неохотно губы,
В моих ладонях
прячешь ты лицо...
Мы будем счастливы,
в конце концов.

Я подвержен теперь, как природа, перепадам московской погоды. Николай Воронов